

ПОЛЬША БОРЕТСЯ ЗА СВОБОДУ*

Летом нынешнего года мы будем вспоминать события, которые произошли в Польше пять лет назад. Эти события начались 31 августа подписанием гданьского соглашения между заводским стачечным комитетом, который возглавлял тогда Лех Валенса, и польским руководством, представленным заместителем председателя правительства Мечиславом Ягельским.

Мне думается, что каждый, кто наблюдает за развитием польских событий в последние пять лет, понимает, что в настоящее время эта страна существенно отличается от Польши 70-х годов и ранее. Напомним, что в 70-е годы в стране циркулировало лишь несколько неподцензурных изданий и в весьма небольшом количестве экземпляров. Сегодня же никто не в состоянии подсчитать, сколько таких неподцензурных периодических изданий регулярно публикуется в Польше. Очень осторожные оценивают их число в 250, по некоторым данным, таких публикаций 1000.

Очень активен книжный рынок. Лучшие книги, которые вышли на Западе, вскоре появляются в переводе на польский. Еще пять лет назад трудно было представить себе, что такое количество неподцензурной литературы будет издаваться в Польше.

Исчезли также апатия и страх, которые определяли атмосферу политических дискуссий еще десять лет назад. Сейчас люди

* Вступительное слово на конференции о подавлении свободы религии и прав человека в Советском Союзе и странах Восточной Европы (Арлингтон, 16 мая 1985 г.).

откровенно обсуждают ситуацию в стране. Они встречаются на частных квартирах и в церковных помещениях. Даже в „нормализованных”, по мнению режима, университетах, лекции проходят в атмосфере политической откровенности, совершенно несравнимой с атмосферой 70-х годов.

Режим продолжает контролировать структуру государственной власти и средства принуждения. Но несмотря на это, некоторые важные цели оппозиции, как, например, создание параллельной, альтернативной общественной структуры, по-видимому, были достигнуты.

Как вытекает из анализа Дэвида Оста (Poland Watch, № 7), проходящая в Польше „нормализация” социальной жизни принесла свои результаты, она „оживляет оппозицию и укрепляет подполье” (“Poland revisited”, с. 6). Описывая положение в Польше летом 1984 г., Ост отмечает: „... по мере того, как люди преодолевают декабрьское потрясение 1981 г., они восстанавливают способность обсуждать положение со всей неприятной откровенностью и серьезностью. По мере того, как более нормальной становится жизнь общества, такой же становится и жизнь оппозиции” (Там же).

В 70-е годы режим Герека пользовался некоторым доверием, поскольку с Герексом поляки связывали надежду на существенное улучшение уровня жизни. И только после 1976 г., когда стала очевидной необоснованность всех этих надежд, в Польше стало нарастать недовольство. Но и в такой ситуации Коммунистическая партия вплоть до июля-августа 1980 г. твердо держала власть, несмотря на открытые выступления небольшой группы инакомыслящих — интеллектуалов и рабочих. Польшу конца 70-х годов можно охарактеризовать так: диктатура партии, нарастающее недовольство масс и оппозиционные выступления горстки инакомыслящих.

Нынешнее же положение характеризуется наличием значительного числа активных оппозиционеров (возможно, около 100. 000 чел.), опирающихся на идейную и материальную поддержку миллионов поляков. Государственная власть и цензура пытаются всячески подчинить их своему контролю, и используют для этого все имеющиеся в их распоряжении средства подавления и принуждения, но чаще всего эти попытки оказы-

ваются безрезультатными.

Еще пять лет назад Польша была государством с коммунистическим правительством, в котором горстка инакомыслящих периодически выступала против властей. Сегодняшняя Польша — это страна, в которой открытая военная диктатура правит недовольным обществом, большая часть которого поддерживает широкую и активную оппозицию. Те, кто осуществляет диктат, — это мизерное меньшинство, не имеющее никаких реальных шансов возобновить хотя бы такие отношения в стране, которые существовали до 1980 г.

После так называемой мирной революции, оппозиция в Польше добилась значительных побед, и самая значительная из них — лишение правящей партии авторитета руководящей и контролирующей организации. Костяк партии продолжает действовать, но его функция исполнительного органа и орудия власти перешла к армии и органам государственной безопасности, которые осуществляют эту власть посредством грубой силы. Убийство ксендза Попелушко работниками польской госбезопасности было расследовано. Однако открытый суд над убийцами состоялся не потому, что Ярузельский и Ко. пытались умиротворить возмущенное общество, а потому что армия воспользовалась этим делом, чтобы взять верх над руководством органов госбезопасности.

1985 г. не был спокойным годом в Польше. Помимо суда над членами Комитета защиты рабочих, повышения цен, задержки в области проведения экономических реформ, 1985 г. — это год пятой годовщины подписания гданьских соглашений.

Трудно предвидеть, как будут развиваться отношения между военной диктатурой и оппозицией и к чему это приведет в будущем. Для поверхностного наблюдателя положение в Польше может представляться своего рода тупиком, но я убежден, что положение сдвинется с мертвой точки.

Как реагирует военный режим на укрепляющуюся жизнеспособность альтернативного общества в Польше? Как он намерен обеспечить свою власть в условиях, когда его отвергает преобладающее большинство поляков?

Разумеется, режим Ярузельского, как и предшествующие ему послевоенные режимы в Польше, опирается на советского

союзника, который обеспечивает пребывание всех этих режимов у власти.

Было бы ошибкой считать, что в настоящее время Польша управляется в соответствии с инструкциями, которые секретарь ПОРП получает из Москвы по телефону, как это было в период с 1945 по 1956 гг. Сегодня положение намного сложнее. Московские руководители полагаются на польских руководителей, рассчитывая, что те знают, как и какими средствами они должны сохранить „социалистическую Польшу” (в соответствии с московской интерпретацией этого термина) и как выполнить все пожелания Москвы.

В уже упоминавшейся мной статье Дэвид Ост приводит высказывание Ярузельского, что Польша, которая лежит между Одером и Бугом, либо будет социалистической, либо ее не будет вообще. В выступлении на одном из польских химических заводов (19 декабря 1984 г.) бывший первый секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня выразился еще более точно: „Не думайте, — сказал он, — что ситуацию в Польше можно изменить. Мы готовы сохранить статус кво любыми средствами и даже при помощи интервенции извне” (*Gwiazda Polarna*, Stevens Point, Wisconsin, May 18, 1985, с. 2 — подчеркнуто Р. Д.).

Каня повторил угрозу военной хунты после введения военного положения 13 декабря 1981 г. Уже 25 февраля 1982 г. заместитель председателя правительства Польши Раковски и член политбюро Кубяк созвали ведущих польских интеллектуалов и потребовали от них выступить в поддержку военного положения. Раковски сказал тогда, что Брежнев и канцлер Западной Германии Гелмут Шмидт договорились об объединении Германии взамен на западногерманскую технологию для СССР, и что это соглашение предусматривает „возвращение Германии части западных и северных земель (часть западной Померании и нижней Силезии, включая Вроцлав и Ополе); Чехословакия получит Клодзко и Силезский Цешин; СССР — Бескиды и польскую часть Беловежской пуци и район Сувалки-Августов (*Solidarność — Biuletyn Informacyjny*, No. 30, Paris, August 2, 1982, сс. 3–4).

Оппозиция добилась огромного успеха, вынудив режим признать, что главная его задача не сохранение польской неза-

висимости, а обеспечение лояльности Польши как составной части советской империи, и что только этой цели подчиняются все действия режима.

Такой успех, однако, обоюдоострое оружие. Лишившись возможности утверждать, что „строительство социализма” способствует повышению благосостояния народа и укреплению независимости Польши, режим стал прибегать к силе для защиты своих действий, и сила эта намного превышает масштабы репрессий, применявшихся до 1980 г. С декабря 1981 г. участились столкновения между демонстрантами и полицейскими частями, вследствие чего увеличилось число жертв. С другой стороны, режим снял маску, и теперь каждый может разобраться в происходящем. Польский режим, поддерживаемый Москвой, оказался бы совершенно изолированным внутри страны, если бы не его способность найти коллаборационистов. В отчаянной попытке привлечь всех, кто пошел бы на сотрудничество с режимом, польские руководители обратились к церкви. И это не было случайным шагом. Уже в 1979 г., после того, как Польшу посетил папа Иоанн Павел II, Ян Щепанский, один из официальных польских социологов, послал партийным руководителям меморандум, в котором призывал „по-новому оценить политическую роль католицизма” в Польше. Весной 1981 г. ведущий польский идеолог Ежи Вятр заявил, что „польский опыт опровергает марксистское положение об ослаблении религиозного сознания по мере индустриального развития и осуществления других общественных перемен”. Вятр пришел соответственно к выводу, что „кризис 1980 г. свидетельствует о необходимости усилить сотрудничество между государством и церковью и действовать совместно на благо Польши... Необходимо привлечь католиков к более активной деятельности в государственной и партийной жизни, в управлении экономикой и к более широкому участию в формировании общественного мнения с тем, чтобы сотрудничество между церковью и государством по всем важным вопросам стало повседневной практикой, а не экстраординарной мерой во время серьезного кризиса” (Review of International Affairs, Belgrade, Yugoslavia, April 5, 1981, сс. 20–21, RCDA, Vol. XX, №№: 10, 11, 12, 1981, с. 166).

После введения военного положения, Ярузельский присту-

пил к укреплению союза с церковью, используя в качестве кнута возможность советского вторжения, а в качестве пряника — разрешение строить новые костелы. Ярузельский воспользовался также интересом главы польской католической церкви к плану помощи крестьянам-единоличникам, которые в Польше обрабатывают почти 75% сельскохозяйственной земли.

Пока что этот план не привел к увеличению сельскохозяйственной продукции, но он в значительной степени ресширил возможность режима манипулировать церковью.

Некоторые намерения, скрывающиеся за этим планом, проявились после второго посещения Польши папой Иоанном Павлом II в июне 1983 г., когда кардинал Глемп сообщил священнику Вирджилио Леви, заместителю редактора ватиканской газеты L'Osservatore Romano, что папа попросил Леха Валенсу отказаться от лидерства в „Солидарности”, за что режим Ярузельского обещал определенные уступки. Несмотря на то, что все замешанные в этот инцидент лица отрицают достоверность информации, опубликованной в L'Osservatore Romano, статья священника Леви и реакция на эту статью произвели огромный эффект и выявили глубокие расхождения между католической церковью и „Солидарностью”, влияние которых ощущается по сей день.

Вторым своим союзником изолированный от общества военный режим избрал оставшихся участников национально-демократического движения, бывшего весьма активным до второй мировой войны. Национально-демократическая идеология в национально-гомогенной Польше, идеология, подчиненная центральной власти, которая сотрудничает с Россией и отрицает демократию, заполняет вакуум, возникший вследствие дискредитации марксизма-ленинизма. Как в самой Польше, так и на Западе известно, что польские органы государственной безопасности всячески способствуют укреплению и распространению национально-демократической идеологии и национально-демократического движения как альтернативы независимому профсоюзному движению, основанному на принципах Заключительного акта хельсинкских соглашений и международных документов о правах человека и правах рабочих, выработанных после второй мировой войны.

В настоящее время режим Ярузельского держится :

- на его готовности в любой момент применить насилие и угрожать возможностью советской оккупации;
- на поддержке со стороны церковной иерархии, которая больше опасается успеха подлинно демократической оппозиции, чем власти обанкротившейся коммунистической диктатуры;
- на идеологии национальной демократии — польской разновидности крайнего немецкого шовинизма довоенных времен.

И еще один фактор, на который опирается польский режим: это его уверенность, что Запад и впредь будет признавать раздел Европы на Западную и Восточную. До тех пор, пока правительства западных государств будут вести дела с правительством Польши и других стран Восточной Европы как с правительствами суверенных и независимых государств, Ярузельский и Ко., как и другие такие же или еще более жестокие режимы, не должны опасаться потери власти над страной.

Народ Польши извлек уроки из всех выступлений против режима 1956, 1968, 1970, 1976, 1980—81 гг. Движение за национальное самоопределение становится более сильным после каждого такого выступления. И нет никаких оснований считать, что они не повторятся и в будущем.

Трудно сказать, где и когда начнутся новые народные протесты, произойдет ли это в Польше или в другой восточноевропейской стране. Но можно с уверенностью утверждать, что это случится.